

пугался и поэтому не расстреливал Шолохова. За это Шолохову впоследствии дали Нобелевскую премию.

Шолохов много бухал, потому что не боялся ни жены, ни литературоведов.

После «Тихого Дона» Шолохов ещё что-то написал, но Нобелевскую премию ему больше не давали.

Шолохов похоронен то ли в Кремлёвской стене, то ли в своей родной станции Вешенской, но точно не в мавзолее.

Мои встречи с Билль-Белоцерковским

Кто такой Билль-Белоцерковский, я не знаю, но фамилию такую где-то слышал. Я несколько раз был в Москве, один раз в Ленинграде и один раз в Петербурге, так что не исключено, что я встречался с Билль-Белоцерковским где-нибудь в метро или на ВДНХ.

Кажется, Билль-Белоцерковский был драматургом, а если нет, то драматургом был Сухово-Кобылин.

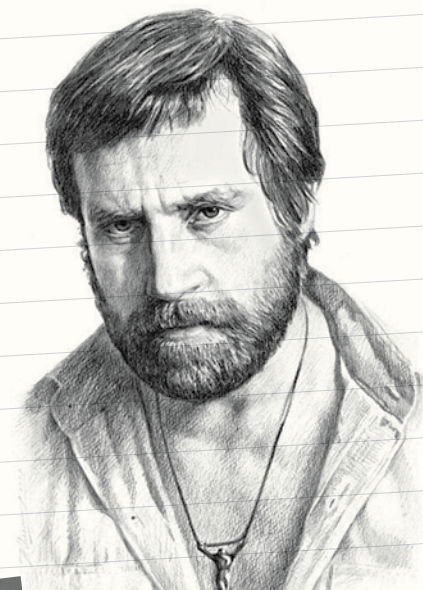
Сталин не расстрелял Билль-Белоцерковского потому, что тоже не знал, кто это такой.

Но, в общем, если о Билль-Белоцерковском так мало известно, то, наверное, он был приличный человек и ничего скверного не натворил. Поэтому его сочинения нужно включить в школьную программу, вреда от этого точно не будет.

Похоронен ли он уже где-нибудь, также доподлинно не известно. Вообще, я думаю, что у современных литературоведов непочатый край работы, ведь в истории нашей литературы ещё так много «белых пятен», как, например, Билль-Белоцерковский.

Эх, Володька!

У меня был знакомый, у которого был знакомый, который с друзьями однажды поехал в Москву, и там в метро

они встретили Высоцкого. Они стали просить у Высоцкого автограф. А Высоцкий говорит: «Да я не Высоцкий. Все принимают меня за Высоцкого, потому что я похож, но я не Высоцкий». — «Ладно, — говорят ему, — но автограф всё равно давайте». Тот им написал: «Иванов». Но они-то всё равно знали, что это настоящий Высоцкий.

Я бы мог, конечно, тут соврать и написать, что был знаком с настоящим Высоцким. В конце концов, важна духовная близость, а не случайная встреча в метро.

То, что я никогда не встречался с Высоцким, считаю большой литературной и биографической удачей. Говорят, Высоцкий, если что не по нему, тут же лез в драку. А у меня самого такая черта характера: если знаю, что человек драчливый, тут же начинаю нарываться. Если какой-нибудь писатель имеет репутацию мирного недрачливого человека, то мне всегда удаётся наладить с ним нормальные отношения. С Ниной Горлановой, например, или с Андреем Битовым. С Андреем Битовым я, правда, тоже не знаком, но, думаю, и он на людей, чуть что, не кидается.

И вот встретился бы я с Высоцким. Допустим, он бы меня в драке победил. Что бы я тогда должен был писать в этих заметках? Такие дискурс и нарратив, как вы понимаете, далеко выходили бы за рамки литературоведения, теории и

истории литературы, а значит, не несли никакой педагогической нагрузки.

А если бы победил я? Тогда бы и во все меня прозвали Дантесом, Мартыновым, Ждановым и Мильграмом.

С Тюленёвым по жизни

Уже лет тридцать я поддерживаю взаимообогащающее знакомство с выдающимся русским поэтом Игорем Тюленёвым. Мы неоднократно выезжали на совместные творческие встречи с читающей молодёжью городов и деревень Прикамья. У меня есть несколько книжек с дарственными автографами Игоря Николаевича. В ранней юности мы с ним неоднократно бухали, а потом бухать перестали, потому что Тюленёв вырос в значительного русского поэта, а я завязал.

Мы с Игорем Тюленёвым одновременно начали растить бороды, но у него выросла обширная и густая борода, а у меня редкая и какая-то пегая.

Однажды Тюленёв решил женить меня на своей знакомой. Она работала школьным завучем, и у неё дома стояло вертящееся кресло с высокой спинкой из кожзаменителя. Тюленёв несколько раз предпринимал попытки женить меня на своих знакомых, но дальнейших подробностей я уже не помню.

Теперь мы редко видимся с Игорем Николаевичем, потому что он постоянно ездит в творческие командировки в Москву и другие курортные места. Но мне приятно бывает иногда подумать, что я связан с Тюленёвым многолетней плодотворной дружбой и некоторыми совместными, хоть и смутными, воспоминаниями о наших молодых годах.